

УДК 82+821.162.1+272:271.22-725

**ИПАТИЙ ПОТЕЙ –
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ДВУХ ЭПОХ И КУЛЬТУР**

Сухарева С.В.

В статье на основании литературной деятельности Ипатия Потей проведены параллели между полемической прозой начала XVII века и предыдущим периодом развития польскоязычной литературы. Внимание обращено на недостаточно изученные произведения Ипатия Потей, в частности, его полемические письма и апологии. Раскрыто влияние исторических условий на формирование творческого гения писателя, определены главные мотивы его творчества. Произведения исследованы комплексно, с учетом ответов оппонентов. Подведены итоги анализа явления субкультуры на рубеже этносов и конфессий.

Ключевые слова: Ипатий Потей, полемика, эпистолярный, апология, риторика, оппонент.

**IPATIY POTIY, A LITERARY REPRESENTATIVE
OF TWO EPOCHES AND CULTURES**

Sukhareva S.V.

The article deals with the parallels that are conducted between the polemic prose of the early 17th century, and previous period of Polish literature development on the basis of literary works of Ipatiy Potiy. The attention is paid to understudied Ipatiy Potiy's works, particularly his polemic letters and apologiae. The article studies the influence of historical circumstances on forming the writer's skills and creativeness; it determines the main motives of his works. The material is completely researched, opponents' replies are taken into account. The results show the phenomenon of subculture on the border of ethnos and confessions.

Keywords: Ipatiy Potiy, polemic, epistolary, apologia, rhetoric, opponent.

В сравнении с другими образцами польскоязычной полемической прозы XVII в. литературная деятельность Ипатия Потей частично была исследована польскими, белорусскими и украинскими учёными. Важную роль в этом сыграли три фактора: 1) писатель жил и вёл активную общественную деятельность на рубеже нескольких культур, 2) он восполнил стиль и тематику предыдущих писателей, которые формально принадлежали к иной литературной эпохе, 3) апофеозный образ епископа-бунтаря, последовавшего за новыми веяниями Брестской унии и создавшего уникальную среду на рубеже православия и римокатолической конфессии, вызывал восхищение и удивление не только у его современников, но и во все последующие исторические периоды, что в частности отобразилось на отношении к нему противников унии.

Тем не менее, Ипатий Потей действительно несколько апофеозен как для последователей, так и противников унии, которые отдавали должное его влиянию, чем оторван от микроклимата своего творчества и исторических реалий. Именно это научное прегрешение мы намерены восполнить, углубляясь в стихию писательского мира и отдавая должное истории и оппонентам Потей. Таким образом, целью нашего исследования является комплексный анализ литературной польскоязычной среды начала XVII в. на основании творчества одного из её писателей на рубеже нескольких культур.

Если говорить об определении нами двух эпох и культур, то имеется в виду переходный период от ренессанса к барокко и рубеж западной и восточной бытующих культур, взаимно друг друга дополняющих. Мы склонны воздержаться от национальной идентификации писателя, поскольку его творчество исторически принадлежит к польской, украинской и белорусской культурной среде. Епископ Бреста и Владимира-Волынского, гражданин Речи Посполитой – Ипатий Потей нераздельно связан с этими тремя народами и его творчество является неотъемлемой частью их наследия.

Среди наиболее важных публикаций, посвящённых творчеству Ипатия Потей в его разных языковых парадигмах, следует отметить современные

труды Семёна Падокшина, Ивана Саверчанки и Руслана Ткачука. Не менее важный вклад в исследование литературной деятельности Ипатия Потоя, а именно польскоязычного наследия писателя, внесли Ростислав Радишевский, Наталия Поплавская, Ян Страдомский, Ян Былинский, Юзеф Длугош и другие литературоведы, которые, учитывая огромный исторический материал о Брестской унии, сумели идентифицировать Потоя именно как писателя, отмечая его творческую неординарность и стилистическую индивидуальность.

Ипатий Потей внутренне формировался в субкультурной среде, что, в частности, отмечал Семён Падокшин. Исследователь по этому поводу писал, что писатель был исторической личностью, «которой были присущи все наиболее характерные черты, особенности, противоречия данной социально-духовной генерации. Это проявлялось и в характере аккумулированного образования и культуры, и в калейдоскопической смене вероисповеданий, и в наличии в его самосознании и поведении сочетания искренней религиозности с политическим реализмом, в патриотизме, законопослушании и одновременной склонности к религиозному и общественному насилию, в церковно-политическом интриганстве, внеправовых действиях, неуважении к иноверцам и инакомыслящим» [1, с. 12].

Некоторые из этих черт действительно были присущи Потю и всей тогдашней политической среде. Тем не менее, С. Падокшин и многие другие исследователи в некоторой степени утрируют «склонность к насилию» и «церковно-политическое интриганство» Владимир-Волынского епископа, если учитывать, что в те времена бытовало иное общественное мнение о религиозной терпимости.

Творчество Ипатия Потоя стало плодом новаторских веяний эпохи. В поисках культурной окцидентализации духовная и политическая элиты объединялись или наоборот вступали в конфронтацию из-за тех либо иных взглядов на развитие общества. Одним из главных тезисов того времени стала идея церковного единения.

После смерти отца, известного общественного деятеля Льва Потя, секретаря короля Сигизмунда II Августа, Адам (как звали Ипатия Потя в мирской жизни) воспитывался при дворе князя Николая Радзивилла и многие годы находился под влиянием кальвинистов. Это привело к смене вероисповедания и обеспечило место секретаря при дворе литовского князя в белорусском Несвиже. Для молодого человека подобная протекция была важным жизненным достижением, что отобразилось на последующей известности Потя в элитарных кругах Речи Посполитой. По этому поводу в письме к провинциалу доминиканского ордена во Львове он писал: «Czas niemały byłem ewangelikiem, bom sie w młodości mojej w takiej szkole uczyłem, a potem i panu takiemu, gdzie herezja swoje gniazdo miała, czas niemały służyłem» [10, с. 166].

Опрометчив, пылок, но в то же время остр в мышлении, Ипатий Потей до 1572 года исполнял также функцию секретаря польского короля Сигизмунда II Августа, в некоторой мере повторяя судьбу своего отца. Периоды образовательного процесса Потя учёными до конца не конкретизированы. Многие придерживаются версии, что позже писатель окончил Ягеллонский университет и продолжил обучение в одном из европейских университетов.

Так или иначе, Потей не остался незамеченным в европейских кругах. «...На становление религиозного мировоззрения униатского митрополита Ипатия Потя повлияла встреча с кардиналом Франческо Комендони. Эта харизматическая личность имела влияние на папу Римского и короля Речи Посполитой. ... Папский нунций был убеждён, что в будущем Адам Потей сменит религиозную жизнь Речи Посполитой и возобновит церковное единство» [3, с. 35]. С другой стороны, его брачные узы с Анной Острожецкой, крупной волынской землевладелицей, сблизили Потя с многими магнатами Украины и Литвы. Особенно стоит вспомнить о его тесных связях с князем Константином Острожским. Ещё одним неординарным шагом Потя стал его переход из кальвинизма в православие в то время, когда многие поступали наоборот и, бросая восточную традицию, переходили то к протестантским

новшествами, то к западной традиции, которая давала больше общественных гарантий.

Все литературные критики единодушны в одном – Потей был величайшей личностью своего времени, вызывающей уважение мировых и государственных деятелей – Папы Римского, Александрийского Патриарха, князя Константина Острожского, Польского короля Сигизмунда II Августа и др. Именно такой человек, как отмечал Тадеуш Беньковский, был нужен восточному православному духовенству для подписания унии с Римом и завоевания для православия привилегий и прав [4, с. 252].

В 1593 году, что очень знаменательно, – за несколько лет до подписания унии в Бресте, – Адам Потей принял монашеский постриг и был произведён в епископы, получив в своё распоряжение Владимир-Волынскую и Брестскую епархии. Киевская митрополия поручила ему и Кириллу Терлецкому, Луцкому епископу, подписать подготовленные документы об унии в Риме.

Стоит заметить, что меркантильная и духовная заинтересованности в жизни Ипатия Потей были тесно между собой переплетены. Вместо идеального героя пред нами предстаёт сложный, временами противоречивый человек со всеми своими плюсами и минусами – человек эпохи барокко, что позволяет глубже рассмотреть главные доминанты его творчества и индивидуальные средства барочной риторики.

В письме к Константину Острожскому Ипатий Потей обсудил вопрос унии универсальной, приверженцем которой князь был: «rzeczesz wasza Książęca Miłość: pragnąłem ja jedności i starałem się o nią; jednoż nie takiej, jaka się teraz zastała, ale inakszej, to jest: żeby z więtszym pożytkiem i z więtszą sławą było: aby nie jedno tutejsze państwa, ale i Moskiewskie, a co więtszego – i wszyscy patriarchowie i Grekowie pospołu do tej jedności przystąpili. Jakoż chciałem Wasza Książęca Miłość i to po mnie mieć, abych z tym do Moskiewskiego jechał. Ale iżeśmy, tego nie doczekawszy, z tym się pospieszyli, - obrażać się Wasza Miłość tym raczysz. I któżby temu nie rad, żeby to był Pan Bóg z miłosierdzia swego świętego dać raczył, żeby się byli i ci wszyscy na to zgodzili? Zaiste wielkiej pochwały godne

było takowe uważenie i zamysł waszej Książęcej Miłości; ale tylko nadzieją, a nie skutkiem moglibyśmy się byli karmić!» [8, с. 244]. Кроме того, в ситуации, когда Константинопольские Патриархи полностью зависели от турецких султанов, мечта о союзе с Греческой Церковью также казалась несбыточной [2, с. 260]. При таких политических обстоятельствах ближайшая среда писателя старалась манипулировать его умом, богатствами, общественным и религиозным положением. Неудивительно, что Ипатий Потей должен был проявлять стойкость духа и твёрдость характера. Эти черты проявились в его последующей деятельности в качестве греко-католического владыки.

В этот период Константин Острожский был непосредственно вовлечен в судебный процесс над Никифором, который на русских землях имел полномочия Константинопольского Патриарха, был задержан с тайными письмами и обвинен в шпионаже против Речи Посполитой. Суд против Никифора был прямым экономическим и политическим ударом по княжескому роду, которому противостоял противник Никифора Ян Замойский [5, с. 164]. Учитывая эти обстоятельства, понятным становится также гнев князя по отношению к Ипатию Потее и неприятие ним локальной унии с Римом.

Константин Острожский на письмо Ипатия Потее собственноручно не ответил, поручив написание ответа Клирику с Острога. Анонимный автор (*supresso nomine*) к письму додал «Historię o listrikijskim, to jest zbójeckim, ferrarskim albo florenckim synodzie, pokrótce prawdziwie spisana» (1598). Такая позиция очень задела самолюбие епископа и он не поспешил на жёсткую критику по отношению к оппоненту. В частности, в своём письме к Клирику Острожскому он заявлял: «Chociaż przyoblekłeś się osobą książęcia zasnego i wielkiego, przedsię tenże, czymś był pierwiej, jesteś; podąłeś się rzeczy wielkiej i poważnej od Książęcia Jego Miłości, pana swego, do mnie odprawować, ale, jak baczę, obiemaś dosyć nie udziałał: ani Książęciu Jego Miłości panu swemu, co i sam w przedmowie do czytelnika wyznawasz, a mnie pogotowiu, do którego, nie pytany będąc, odpisujesz, podobno rozumiejąc mię być niegodnym odpisu pana swego. Ale jeśliżе Jego Królewska Mość pomazaniec Boży i inni zacni panowie senatorowie,

duchowni i świeccy, nie wstydzą się do mnie pisać (i nie mają tego sobie za zelżywość), pewnie i twój pan, do którego-m ja pisał, by się nie zelżył był sam do mnie odpisał» [9, с. 286].

Не имея возможности дальше непосредственно дискутировать с Константином Острожским, Ипатий Потей выдал полемическую брошюру, посвятив её князю, – «Obrona świętego synodu florenskiego powszechnego dla prawowiernej Rusi pisana» [9, с. 236]. Книга также стала ответом на произведение Клирика с Острога, посвящённое Флорентскому синоду. Следует отметить, что проблематика этого синода позже стала основанием для дискуссии многих других полемистов XVII века. На рубеже веков Клирик с Острога и Ипатий Потей были её своеобразными родоначальниками, продолжая таким образом риторическую традицию Петра Скарги и других иезуитов.

Полемический эпистолярный логически дополнен перепиской Ипатия Потей с Александрийским Патриархом Мелетием Пигасом. Это были трудные времена для Восточной Церкви – церковная смута, турецкая угроза вызывали хаос и моральную неуверенность в рядах православных. Мелетий Пигас в своём письме подчёркивал знаменательную роль Ипатия Потей в развитии христианства, стараясь таким образом навести оппонента в православие, к которому, как нам известно, епископ однажды уже возвращался после исповедания кальвинизма. Патриарх, в частности, обращался к Потей, описывая путешествие архимандрита Кирилла в русские земли: «mieniąc Cię bydź Człowiekiem uczonym i takim, który mógł urząd Biskupstwa dość uczciwie sprawować, gdyby Cię nie oszukano chytremi wymysłami Akademickiej Theologii» [6, с. 1].

Потей соответствующим образом отреагировал на этот призыв, определяя состояние Греческой Церкви как духовную нищету и представляя это под видом peregrinacji (паломничества): «Tej prawdy szukał Rossyjski Naród w rozległych Grecji krainach, ale nie znalazł; biegał po Athenach mądrych, i nie znalazłszy ... Nauczycielów niegdy jasnych Cerkwie Wschodniej pochodni Bazylego

i Nazjanzena, ... z nieuttulonym płaczem oglądał rozwaliny». Литераторы барокко часто пользовались приёмом мнимого либо действительного паломничества, с помощью которого более красочно изображали ту или иную проблему. Подобные приёмы использовали другие полемисты, особенно Мелетий Смотрицкий в «*Peregrinacji ... do krajów wschodnich*». В переписке Ипатия Потя с Мелетием Пигасом этот риторический приём представлен очень выразительно, эмоционально и многогранно.

Богатство барочной риторики Ипатия Потя ярко выражено в нескольких объёмных апологиях. Особенно следует обратить внимание на «*Antirresis...*», написанный Потеем в ответ на «*Apokrisis...*» Мартина Броневского, выступившего в произведении под псевдонимом Христофор Филалет. Полемический труд Броневского, участника антисинода в Бресте, протестанта, поддержавшего православную оппозицию во время провозглашения унии с Римом, был свидетельством большого противостояния в конце XVI – вначале XVII в. протестантской и католической окцидентализации на востоке Речи Посполитой. Политический контекст полемики отмечаем в апологии Потя «*O przywilejach nadanych od najjaśniejszych królów Polskich i przedniejszych niektórych dowodach które świętą Unią wielce zalecają i potwierdzają*».

В 1714 году, более чем через сто лет после смерти писателя, василианский орден выдал польскоязычную версию проповедей Ипатия Потя, дополнив их перепиской епископа с патриархом Мелетием Пигасом, что подытоживает его полемическую польскоязычную деятельность на рубеже культур и эпох. Символическим эпитафием к книге «*Kazania i homilie...*» является стихотворение о родовом гербе Потеев, которое представляет двойственный характер родины писателя на границе Востока и Запада, двойственность мышления шляхтича, проживающего в многонациональном государстве и двойственность его религиозных взглядов:

Trafiłaś na hartowne lotna strzało zbroje
Że twój do krzyża zapęd zbroj hart zdarł na dwoje
Dra, ale leci w dzień, przez wiek buja długi,

Bogu w podział z ojczyzną zdarta na usługi
W pół tnie herb porty krzyżem zdobi naród Rusi
Cóż za dziw że na poły rozdarta być musi [10, с. 175].

Первым доказательством правильности избранного пути Потей считал просветительство. Поэтому, будучи в сане епископа, он наказал не допускать к священничеству тех, кто не окончил школы либо имел слабое школьное образование. Потей выделял средства для построения новых школ, монастырей, много внимания уделял духовному развитию своей епархии. В апологиях полемиста тема просветительства выведена на первый план. Ипатий Потей считал её ключевой в развитии всего общества и свидетельством автентичности веры. Писатель не учитывал того фактора, что православие многие годы притеснялось и не могло похвастаться высокой степенью учёности. Как видим, Потей в своей общественной и творческой деятельности чаще всего руководствовался субъективными факторами, построенными на политических реалиях, что не умаляет его писательской одарённости.

Будучи идеалистом, Ипатий Потей пробовал построить новую, воссоединённую Церковь восточного и западного обрядов, как он подчёркивал в своих произведениях. В условиях тогдашней религиозной и национальной нетолерантности, а также из-за радикальности самого епископа и других ведущих просветителей того времени это задание оказалось невыполнимым, а восточное и западное направления христианства поддавались ещё большому раздору. После смерти Потей один за другим возникали новые этапы полемики, которые к желаемому миру не привели. Тем не менее, творчество Ипатия Потей на рубеже культур на сегодняшнем этапе и в перспективе может служить примером к построению нового, толерантного содружества стран и вероисповеданий. В этом измерении творчество Ипатия Потей в главных его тезисах бесценно и требует дальнейшего изучения.

Список литературы:

1. Падокшын С. Пацей Іпацій: царкоўны дзеяч, мысліцель, пісьменнік на пераломе культурна-гістарычных эпох. Мінск.: Беларус. навука, 2001. 118 с.
2. Саверчанка І.В. Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI-XVII стст. Мінск : Беларус. навука, 2012. 463 с.
3. Ткачук Р.Ф. Творчість митрополита Іпатія Потія та полемічна література на межі XVI – початку XVII ст. Джерела. Риторика. Діалог. Київ : Видавн. Дім Дмитра Бураго, 2011. 240 с.
4. Bieńkowski L. Mozaika religijno-kulturalna Rzeczypospolitej w XVII i XVIII w. // *Uniwersalizm i swoistość kultury polskiej*. Pod red. J. Kłoczowskiego. Lublin: KUL, 1989. S. 241-270.
5. Kempa T. Proces Nicefora na Sejmie w Warszawie w 1597 roku // *Europa Orientalis*. Toruń, 1996. S. 145-168.
6. List Melecjusza Patriarchy Alexandryjskiego do Hipacjusza Pocieja, Biskupa Włodzimierskiego i Brzeskiego, Protothroniego Metropolity całej Rusi pisany. Respons Hipacjusza Pocieja, Metropolity całej Rusi, Biskupa Włodzimierskiego i Brzeskiego, na List Melecjusza Patriarchy Alexandryjskiego. Supraśl, 1599. 81 s.
7. Pocięj H. Antirresis abo apologija przeciwko Krzysztofowi Philaletowi, który niedawno wydał książki imieniem starożytnej Rusi religiej greckiej przeciw książkom o synodzie brzeskim, napisanym w Roku Pańskim 1597. Oprac. J. Byliński i J. Długosz. Wrocław: Wyd. Uniw. Wrocław., 1997. 284 s.
8. Pocięj H. Kazania i Homilie męża bożego Nieśmierzej Sławy i Pamięci Hipacjusza Pocieja Metropolity Kijowskiego z Listem Melecjusza Patriarchy Alexandryjskiego, Responsem Hipacjusza. Wyd. L. Kiszka. Supraśl: Wydawnictwo OO. Bazylianów, 1714. 612 s.
9. Stradomski J. Teksty Hipacego Pocięja i Kliryka z Ostroga // *Domus Divisa*. *Studia nad literaturą ruską w I Rzeczypospolitej*. Pod red. Aleksandra Naumowa.

Biblioteka Tradycji Literackich. Nr XVIII. Kraków: Collegium Columbinum, 2002. S. 233-295.

10. Wagilewicz J.D. *Pisarze Polscy Rusini. Przemysł : Południowo-Wschodni* Instytut Naukowy, 1996. 318 s.

Сведения об авторе:

Сухарева Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, координатор Института Польши, доцент кафедры иностранных языков факультета международных отношений, Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки (Луцк, Украина).

Data about the author:

Sukhareva Svitlana Volodymyrivna – Candidate of Philological Sciences, coordinator of the Polish Institute; Associate Professor of Foreign Languages Department, Faculty of International Relations, Lesya Ukrainka Eastern European National University (Lutsk, Ukraine).

E-mail: pyza_sv@wp.pl.